

Н. В. Гоголь

Тарас Бульба (Редакция 1835 г.).

Н. В. Гоголь. Собрание художественных произведений в пяти томах.

Том второй.

М., Издательство Академии наук СССР, 1951

[OCR Бычков М. Н.](#)

I

-- А поворотись, сынку! цур тебе, какой ты смешной! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, еще смотревшие исподлоба, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого еще не касалась бритва. Они были очень сконфужены таким приемом отца и стояли неподвижно, потупив глаза, в землю.

-- Пойдите, пойдите, дети,-- продолжал он, поворачивая их,-- какие же длинные на вас свитки! {Свиткой называется верхняя одежда у малороссиян.} Вот это свитки! Ну, ну, ну! таких свиток еще никогда на свете не было! А ну, побегите оба: я посмотрю, не попадаете ли вы?

-- Не смейся, не смейся, батьку! -- сказал, наконец, старший из них.

-- Фу ты, какой пышный! а отчего ж, бы не смеяться?

-- Да так. Хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей богу, поколочу!

-- Ах, ты сякой, такой сын! Как, батька? -- сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько назад.

-- Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

-- Как же ты хочешь со мною биться? разве на кулаки?

-- Да уж на чем бы то ни было.

-- Ну, давай на кулаки! -- говорил Бульба, засучив рукава.

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали преусердно колотить друг друга.

-- Вот это сдурел старый! -- говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая еще обнять ненаглядных детей своих.-- Ей богу, сдурел! Дети приехали домой, больше году не видели их, а он задумал бог знает что: биться на кулачки.

-- Да он славно бьется! -- говорил Бульба, остановившись.-- Ей богу, хорошо!.. так-таки,-- продолжал он, немного оправляясь,-- хоть бы и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здоров, сынку! почеломкаемся!-- И отец с сыном начали целоваться.-- Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное убранство. Что это за веревка висит? А ты, бейбас, что стоишь и руки опустил? -- говорил он, обращаясь к младшему.-- Что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

-- Вот еще выдумал что!--говорила мать, обнимавшая между тем младшего.-- И придет же в голову! Как можно, чтобы дитя било родного отца? Притом будто до того теперь: дитя малое, проехало столько пути, утомилось (это дитя было двадцати слишком лет я ровно в сажень ростом), ему бы теперь нужно отпочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет биться!

-- Э, да ты мазунчик, как я вижу!-- говорил Бульба.-- Не слушай, сынку, матери: она -- баба. Она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба -- чистое поле да добрый конь; вот ваша нежба. А видите вот эту саблю -- вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают вас: и академия, и все те книжки, буквари и философия.-- всё это *ка зна що*, я плевать на всё это! -- Бульба присовокупил еще одно слово, которого однако же цензора не пропускают в печать и хорошо делают.-- Я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот там ваша школа! Вот там только наберетесь разуму!

-- И только всего одну неделю быть им дома? -- говорила жалостно, со слезами на глазах,